

У Чечни не женское лицо

У Чечни не женское лицо, потому что мы не видим чеченских женщин. Невидимые, они прячут своих дочерей и плачут о своих сыновьях. Невидимые, они укрывают своих мужей, тех, которые, может быть, не были бы их мужьями, если бы жизнь сложилась иначе. Если бы Чечня сложилась иначе. Если бы Россия, царская Россия, советская Россия, колониальная империя Россия сложилась иначе.

Александр Вергинский пишет романс «То, что я должен сказать» в 1917 году. В годы перестройки его поет Гребенщиков. Война повсюду, война всегда, война не заканчивается, война никогда не перестает. В 2005 году на рок-фестивале в Чечне (трудно поверить, что и такое когда-то было) романс исполняет лесбийская поп-икона Диана Арбенина.

Я не знаю зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожащей рукой.
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.

Афганистан, Чечня, Дагестан, Осетия, Грузия, Украина. Война постоянно идет на обочине этой «бездарной страны». 2017 год, необъявленная война нескольким сотням людей, подозреваемым в гомосексуальных связях. Необъявленная война и необъявленные смерти. И чеченские женщины, за семью замками адатов¹, – снова, всегда – невидимые ангелы, живые и мертвые, за плечами этой страшной войны.

Правда в том, что я не знаю, как писать это эссе. Как говорить о тех, кто молчит и умирает молча? Мой собственный внутренний голос запугивает меня: «Молчи. Не лезь не в свое дело. Не говори ничего, пока тебя не спросят. Молчи, а то хуже будет». Внутренний голос спрашивает меня: «Какое право у тебя есть, чтобы говорить?» И он же нашептывает мне: «Ты вообще кто такая, чтобы тут говорить?» Вот и я говорю, кто

Заглавие эссе отсылает к книге нобелевской лауреатки, белорусской писательницы Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо».

¹ Адат – устный свод законов и обычаев, передаваемый из поколения в поколение и определяющий большую часть жизненных проявлений, в частности, в обществе и семье.

я вообще такая, чтобы что-то говорить, тут и там. И так мы разговариваем друг с другом, я и мой внутренний голос, и пока этот диалог длится, воспользовавшись общей суматохой, я отхожу в сторону и говорю.

Я говорю: меня зовут Лена, мне 30 лет. Я бисексуальная белая женщина. Я выросла, получила образование и до 25 лет жила в Санкт-Петербурге. Сейчас я живу в Париже. Живу, и не собираюсь возвращаться. Я не хочу возвращаться в страну, где такое происходит с людьми. Я смотрю на историю этой страны и не вижу дна. Я вижу лица: лица людей, похищаемых и преследуемых незаконной властью и ее пособниками. Среди них есть женские лица. Эти лица являются ко мне во сне. Словно под водой, они открывают рот и задыхаются в попытке кричать. Я просыпаюсь и снова делаю выбор оставаться там, где я есть.

А что, во Франции лучше? Нет, во Франции не лучше. Президент Эммануэль Макрон и министр внутренних дел Жерар Коломб очевидно вдохновляются политикой российского государства (шире – правой политикой, получающей все большую видимость, все большую власть также в таких странах, как США, Австрия, Италия). Мигрантофобия, ксенофобия, расизм и полицейское подавление всякого политического протеста становятся все более рядовыми явлениями. Я все чаще ухожу с демонстраций до окончания маршрута, так как столкновения с полицией чреваты контролем документов, а у меня временный вид на жительство, и его очень просто не продлить. И все же, во Франции закон защищает ЛГБТ+ людей, и у нас здесь есть права. Однажды границ не будет. И национальных государств не будет. А пока – я белая бисексуальная женщина, мигрантка, и я принадлежу к нескольким привилегированным и нескольким угнетаемым группам. И я говорю.

Я обращаюсь к подругам, сестрам. К братьям, друзьям. Тем, кто способны меня услышать. Тем, кто, может быть, не хотят слышать меня. Этот текст ничего не изменит. Этот маленький текст, опубликованный в украинском феминистском журнале на русском языке. Украинском – большая честь для женщины, которая не хочет быть подданной государства, ведущего на территории Украины подлую коварную войну. На русском – потому что я лучше владею литературным русским и французским языками. Он ничего не изменит, и в то же время позволить этому и другим подобным текстам, словам, высказываниям быть – значит разорвать в каких-то единичных местах ткань молчания. И тогда я говорю.

Я говорю: я работаю в ассоциации, сопровождающей ЛГБТ+ людей, запрашивающих убежище во Франции. Среди этих людей есть люди родом с Северного Кавказа и, в частности, из Чечни. И среди этих людей родом с Северного Кавказа и, в частности, из Чечни, есть женщины. Вот – главное, что я хочу сказать.

Чтобы подготовить эту заметку, я смотрю документальные фильмы о Чечне. Целая стопка дисков с надписью «не копировать и не распространять». Их передала мне Саша Кулаева, знакомая по злосчастно-

му чеченскому кризису французская правозащитница. Многие годы она и Милен Солой, режиссерка-документалистка, боролись и борются за права женщин в Чечне. Однако в интервью в конце мая 2017 года Саша замечает, что никогда раньше мировое сообщество не реагировало с такой живостью на то, что происходило в Чечне. Саша говорит: «Беззаконные задержания и пытки – это не новость. В настоящем кризисе меняется только мишень – на этот раз – гомосексуалы. Что совершенно не преуменьшает страдания жертв. Но я много встречала в прессе такие слова как «концентрационные лагеря, чистки, геноцид»: я думаю, что Западу не хватает понимания того, что представляет собой это общество» (Koulaeva 2017)¹. Только ли Западу? Мне тоже не хватает такого понимания. За последний год, разговаривая с людьми родом из Чечни, переписывая и переводя на французский язык их рассказы для Французского офиса защиты беженцев и апатридов, гуляя вместе в парках и стоя в очереди в префектуру полиции для получения документов, я узнала о Чечне больше, чем за все время жизни в Российской Федерации. И сейчас, смотря эти фильмы, я узнаю нечто иное. Я узнаю, что я хочу шире видеть контекст.

Мне было 6 лет, когда началась первая чеченская война, унесшая десятки сотен человеческих жизней, и 11 лет к началу второй колониальной войны на чеченской территории. Амнести Интернейшнал пишет о порядка 25 000 убитых в период с 1999 года: «Одни гибли во время боёв и массовых зачисток; множество других – во время бомбардировок городов и сёл с воздуха, проводившихся в первые месяцы конфликта. Предположительно, тысячи человек покоятся в безымянных могилах по всей республике: сообщается о 52 зарегистрированных массовых захоронениях в Чечне» (Amnesty International 2007). Мне было 14, когда в Театральном центре на Дубровке погибло от 130 (по официальным данным) до 174 (по данным общественной организации «Норд-Ост») человек, и 16 во время трагедии в Беслане, унесшей жизни более 300 человек. Для меня шире видеть контекст – значит видеть то, чего я не видела во время непосредственного развертывания событий.

Я вижу: Зора, 28 лет, одна из шахидок при захвате Норд-Ост, в прошлом (если позволено думать, что у людей, решившихся на убийство других людей есть прошлое) – преподавательница в Грозном, говорит: «Нас не удивить смертью, ни нашей смертью, смерть для нас – это смерть. Мы этой смерти уже несколько лет смотрим в лицо». И ее сестра, дома, отвечает журналистке, прямо глядя в камеру: «Причем тут ислам... Это был жест отчаяния, я думаю» (Saulou 2004). Я вижу Анну Политковскую, убитую, как известно, в подъезде своего дома в октябре 2006 года, которая говорит в интервью режиссеру Андрею Некрасову: «Мы там все страдали, а это был просто подконтрольный теракт.

¹ Цитата в оригинале: «L'utilisation de lieux de détention arbitraire et de la torture n'est absolument pas nouvelle. Dans cette crise, il n'y a que la cible – homosexuelle, cette fois – qui change. Cela n'enlève absolument rien à la souffrance des victimes. Mais j'ai lu dans beaucoup de journaux des mots tels que «camps de concentration, purge, génocide»: je pense que l'Occident manque de compréhension sur ce qu'est cette société».

Власть отлично осведомлена, что никаких протестов по поводу этого, митингов, шествий, и какой-либо опасности для себя она от этого не имеет. Поэтому, я думаю, спокойно взирает на наши внутренние мучения и страдания со своего кремлевского холма и думает: ну давайте, прыгайте. Надо – вас прихлопнем, не надо – живите» (Политковская 2003b). Анна Политковская утверждала, что Ханпаш Теркибаев, присутствовавший при захвате Театрального центра со стороны террористов, а затем покинувший здание перед штурмом, был двойным или тройным агентом, информировавшим спецслужбы, впоследствии сотрудничавшим с администрацией Путина, но, главное, свидетелем, «устранение» которого (Теркибаев погиб в ДТП в декабре 2003 года), способствовало тому, что главные вопросы, касавшиеся трагедии «Норд-Ост», навсегда остались неразрешенными: «Почему был штурм? А переговоры, которые могли бы принести успех – освобождение заложников, прекратили? Кто посредничал в принятии такого рода преступных решений?» (Политковская 2003a). Я еще и еще раз переспрашиваю себя: знаю ли я об этом, помню ли? О том, что люди, находившиеся в театре, умоляли не прибегать к штурму, а пойти на уступки, способные послужить успеху переговоров и освобождению заложников (требование террористов-в/к – вывод российских войск с территории Чечни); и что 128 заложников «Норд-Оста» погибли 26 октября в результате действия газа, примененного ФСБ во время штурма, газа, состав которого не установлен – засекречен. Вот так вот просто, засекречен, и все, а люди ушли навсегда, а Владимир Путин так и сидит на своем кремлевском холме. Сидит, потому что удобно жонглировать фактами, выставляя за противоречие то, что таковым не является: если вина террористов неоспорима, значит действия власти могут быть оправданы. Просто, понятно и никакой диалектики. И никакого расследования, кроме убитых горем родственников погибших (Политковская и др. 2006), и никакой справедливости, только новая волна убийств.

Я вижу: женщина в лиловом платке с диктофоном спрашивает у русского солдата, который стоит, опустив глаза:

- Чью страну защищаете, какую власть защищаете, за кого воюете, за что воюете? Скажите, пожалуйста?
- Я не защищаю никакую власть.
- А почему вы вооруженный стоите тогда, если вы не защищаете никакую власть?
- Извините меня, добро должно быть с кулаками, это еще древние говорили.
- А вы еще женщин хотите с кулаками?
- Добро должно быть с кулаками.
- Какое добро, если мы находимся у себя дома?! (Marcie 2006)

И другую женщину: стоя спиной к какой-то бетонной стене, она кричит: «Те, кого вы называете террористами, они лучшие наши сыновья! В Москве террористы, в Кремле, это знает весь народ! Вы женщин

убивали, детей убивали!» Голос ее сбивается, обрывается, совсем другой, неслышный крик искажает лицо: «Не вместится в сердце. Хочу сказать, и не могу никак». «Не сложим оружия. В 44 году еще не забыли мы, что вы делали. Наглые. Не забыли и не забудем» (Marcie 2006).

Я смотрю на этих женщин, этих и многих других, и думаю о том, что, как и в любое послевоенное время в любой стране, они стали первыми, за кого взялось новое «мирное» правительство. Потому что гендерные нормы были нарушены¹. Те из них, кто сражались наравне с мужчинами, должны были вернуться в дом. Те из них, кто получили высокие профессиональные навыки – на кухню. Те из них, кто потеряли мужей, сыновей, матерей, дочерей, сестер, братьев, отцов, были слишком отчаянны, слишком решительны, готовы на все, а значит, неуютны власти, так или иначе замешанной в этих потерях. Власть Рамзана Ахматовича Кадырова, с безусловной опорой на практики, свойственные и всей путинской России, вообще применила ловкую процедуру «возвращения» к мирному времени, при котором согласившиеся подчиниться (впрочем, тоже через пытки и тюрьмы) военные получали деньги и власть, а разбитое и подавленное мирное население – те, кто не успели, не смогли или не захотели бежать – мудреную смесь из этнических, религиозных и приобретенных в довесок от колониальной империи «традиций», призванных легитимировать эту самую новую власть вместе со всеми ее выходками и успокоить гражданский протест, незаметно перенаправляя его в русло удобно контролируемых сверху националистских настроений.

Вот что важно понять: репрессивный потенциал адатов и шариата используется чеченскими властями и лично Рамзаном Кадыровым для контроля над чеченским народом, точно так же как репрессивный потенциал православной церкви и апелляция к «традиционным ценностям» используются российскими властями и лично Владимиром Путиным для разделения и подавления населения всей страны. «Убийства чести» не только не осуждаются, но и поощряются гражданской властью в Чечне, в то время как федеральные власти безмолвствуют, почему-то именно в механизмах уничтожения предоставляя республикам лицемерную «автономию». И если, согласно адатам, только семья может принимать решение об убийстве женщины, каким-либо образом нарушившей моральный закон, то в современной Чечне эти убийства все чаще и чаще совершаются неблизкими родственниками, «двоюродными дядями и братьями, работающими или в правоохранительных структурах или на каких-то государственных должностях». «Это тоже, как мне кажется, попытка проявить свою лояльность, потому что требование властей сейчас – соблюдение традиций, надзор за поведением женщин, и вот они это и делают» (Магометов, Пахоменко 2017), – говорит Варвара Пахоменко, экспертка по Северному Кавказу.

¹ Фонда им. Генриха Бёлля в 2015 провел большое социологическое исследование, посвященное гендерным нормам и положению женщин на Северном Кавказе. Отчет об исследовании на английском языке, см.: Kosterina 2015. На русском языке в популярной форме, см.: Костерина 2016.

Трагедия развернувшейся в феврале 2017 года гомофобной кампании в Чечне заключается также и в том, что к имплицитному призыву власти семьям «самим» расправляться со «своими» женщинами присоединился также более эксплицитный призыв «самим» убивать «своих» гомосексуальных мужчин (которых, как тут же добавляется, в Чечне нет). В каком положении тогда оказываются ЛБТ (лесбиянки, бисексуалки и транс*) женщины? Екатерина Петрова, психолог и правозащитница, сотрудничавшая в нескольких проектах ЛГБТ-сети по Северному Кавказу, дает однозначный ответ: «ЛБТ-женщины Северного Кавказа вдвойне бесправны» (Петрова 2018). Впрочем, каким бы очевидным этот ответ ни казался, говорить об этом, даже просто произнести такую фразу, как в журналистской, так и в правозащитной среде, очень тяжело.

На конференции в Вене я записываю дрожащими руками слова журналистки «Новой Газеты» Елены Костюченко:

Конечно, в Чечне есть лесбиянки, и я разговаривала с несколькими из них. Но я решила не брать на себя такую ответственность и не становиться первой журналисткой, которая напишет, что в Чечне есть лесбиянки. Потому что я не вижу на данный момент никакого способа защитить своих информанток. Даже те, кто сейчас за границей – там везде есть чеченские сообщества – и даже при полной анонимизации в историях достаточно деталей, чтобы их могли узнать¹.

И так же сейчас, перечитывая эти слова, я останавливаюсь и снова спрашиваю себя: могу ли я вообще писать то, что пишу? И возвращаюсь к статье Екатерины Петровой, которая говорит: «"Невидимость" конкретных ЛБТ-женщин в Северокавказском регионе — вопрос их выживания» (Петрова 2018). А после добавляет: проблема в том, что молчание вокруг северокавказских ЛБТ-женщин, в том числе, из соображений безопасности, не помешало их преследованию. В последнем отчете ЛГБТ-сети приводится прямая речь трех ЛБТ-женщин, одна из которых была убита после неудачной попытки бегства (Милашина 2018). С тех пор стало известно не только о случаях семейной расправы, но и о задержаниях и облавах на женщин, обвиняемых в гомосексуальных связях. Молчание может сохранить жизнь. Замалчивание – становится залогом неразглашения преступлений.

В то время, когда я пишу эти строки, в одном из российских городов активисты-ки готовят документальный спектакль о судьбах ЛБТ женщин Северного Кавказа. Меня переполняют гнев и эмпатия. Эмпатия к этим людям и гнев по отношению к той власти, гомофобная политика которой стала причиной тотальной незащищенности не только героинь этого спектакля, но и людей, которые отваживаются об этом говорить. И вот я, находясь в относительной безопасности вне территории Российской Федерации, говорю. Говорю, перебивая

¹ Устный доклад Елены Костюченко на конференции «Queering Paradigms VIII», Vienna. Записано на слух авторкой статьи, формулировка может быть неточной.

сама себя, и постоянно задавая себе вопрос: что говорить? Я не могу рассказывать истории этих женщин, не подвергая их жизни непосредственной опасности. Я не могу и не хочу говорить за них. Я знаю: у них есть голос, они говорят¹ и будут говорить сами за себя. Я верю, что они будут говорить, когда их жизнь будет в безопасности. И поэтому я говорю о себе самой.

Я говорю: у Чечни есть женское лицо. Ведь я вижу чеченских женщин. Я вижу женщины, родившиеся в Чечне и покинувшие ее вместе с семьей в бегстве от войны. Женщины, столкнувшиеся в других регионах России с великоимперским национализмом, презирающим, унижающим их, заставляющим отказаться от своей национальной или этнической идентичности. Женщины, которые и внутри республики, и вне ее пределов сталкиваются с тотальным контролем со стороны не только семьи, но и всего сообщества: сообщество, вытесненное за границы своей родины с еще большим рвением пытается соблюдать утерянные традиции. Где бы она ни была замечена – в парке, в университете, в метро, на пороге своего дома, другим чеченцам всегда будет до нее дело – во что она одета, с кем она, что говорит, куда идет, почему? Я вижу: первое отсутствующее означающее: женщины. Второе отсутствующее означающее: ЛБТ женщины. Третье отсутствующее означающее: женщины, состоящие в браке с мужчинами, подозреваемыми в гомосексуальных связях, вне зависимости от того, что стоит за этими подозрениями. Потому что у большинства мужчин старше тридцати лет родом из Чечни есть семья. Не только мать, которую они больше никогда не увидят, спасаясь от пыток, преследований, похищений и угроз. Но и жена и дети, жизни которых они спасают, обрывая с ними всякую связь, потому что другого выхода просто нет. Или жена и дети, которые покидают республику вместе с ними: чтобы ехать куда? Чтобы дальше – что? Еще одна трагедия гомофобных преследований, развернувшихся в Чечне, заключается в том, что эта трагедия захватывает целые семьи, целые группы людей. Это бездонная трагедия, у нее нет дна. Вот человек живет и думает, что лично его или ее никак не касается то, что каких-то людей преследуют по подозрению в гомосексуальных связях. А потом однажды – раз, и касается. И все, обратной дороги нет.

Это заметка ничего не изменит, но я не хочу, чтобы от нее оставалась обманчивое чувство, будто ничего невозможно изменить. Да, вся Чечня внутри всей Российской Федерации – государство без права. Да, иногда ловушка захлопывается раньше, чем кто-то что-то успеет сказать. Однако я вижу людей, которым удалось спасти собственную жизнь и жизнь своих близких. Людей, полных смелости, отваги и способности выходить из испытаний еще более прекрасными и живыми. Я вижу

¹ Портал «Даптар» публикует множество историй кавказских женщин, в том числе, свидетельства чеченок, см. <https://daptar.ru/>. Кроме того, прямую речь кавказских трансгендерных и транс* женщин можно встретить на портале «ОС-Медиа», см. <http://oc-media.org>

лица: смеющиеся лица, радостные лица, лица, наполненные светом, пронесенным через километры горя, страданий, через потери, через несправедливые, искусственные росчерки границ и контрольно-пропускных пунктов на этих границах. И среди этих людей есть женщины, среди этих лиц – женские лица, среди этих улыбок – смех, звонкий, тихий, разный, смех в ответ на унижения и обиды, смех в ответ на боль и испытания, смех в лицо правительствам, смех в лицо границам, смех в лицо преступникам, сидящим на кремлевском холме. И я говорю: у Чечни есть женское лицо.

Благодарности

Я выражаю бесконечную признательность и уважение тем людям, которых я не могу назвать, но без которых не только этого текста бы не существовало, но и моя жизнь не была бы такой, какая она есть, и я сама не была бы той, кто я есть. Я хочу, чтобы вы знали, как я восхищаюсь вашей отвагой, вашей способностью все преодолевать и выходить из испытаний еще более прекрасными и живыми, как встреча с вами и как ваши судьбы важны для меня. Кроме того, я сердечно благодарю своих коллег по ассоциации, встреча с которыми позволила всем нам объединить усилия, и, в частности, Сашу Дванову, ставшую первой читательницей этого текста. Наконец, я хочу сказать спасибо Йосефу за значимую для меня беседу и огромную помощь в поиске информации.

- Amnesty International. 2007. «Российская Федерация: где правосудие по отношению к исчезнувшим в Чечне?» Доклад для свободного распространения. <https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/015/2007/en/>
- Костерина Ирина. 2016. «Гендер для чайников: Северный Кавказ. Мужчины и женщины – роли, проблемы, стереотипы». *Colta*, Июнь, 2016. <https://www.colta.ru/articles/specials/11448>
- Магометов Закир, Пахоменко Варвара. 2017. «Чеченские женщины – в особой группе риска». *Дантар*, Июль 12. <https://daptar.ru/2017/07/12/чеченские-женщины-в-особой-группе-р/>
- Милашина Елена. 2018. «"Они говорили мне, что я не человек, а ничтожество. Что лучше бы я был террористом, чем педиком". Доклад о фактах преследования ЛГБТ в регионе Северного Кавказа». *Российская ЛГБТ-сеть*, Санкт-Петербург. https://lgbtnet.org/sites/default/files/doklad_ru_web.pdf
- Петрова Екатерина. 2018. «ЛБТ-женщины Северного Кавказа вдвойне бесправны». *OC-Media*, Май 17. <https://oc-media.org/ru/mneniya/mnenie-lbt-zenщины-северного-кавказ/>
- Политковская Анна, Бурбан Любовь, Губарева Светлана, Карпова Татьяна, Карпов Николай. 2006. «Норд-Ост. Неоконченное расследование». *Новая Газета*, Май 14. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2006/05/15/29247-nord-ost-neokonchennoe-rassledovanie>
- Политковская Анна. 2003а. «Управляемые теракты в стране управляемой демократии». *Новая Газета*, Декабрь 22. <http://2003.novayagazeta.ru-number/2003/96n/n96n-s00.shtml>

- Политковская Анна. 2003b. «Это был подконтрольный теракт». Фрагмент интервью. <https://www.youtube.com/watch?v=o1t2zWE4D5A>
- Kosterina, Irina. 2015. «Life and the Status of Women in the North Caucasus. Report summary on the survey». *Heinrich Böll Foundation*, August. <https://ru.boell.org/en/2015/08/20/life-and-status-women-north-caucasus-report-summary-survey-irina-kosterina>
- Koulaeva, Sacha. 2017. «Interview». *Causette*, May, 29. <https://www.causette.fr>
- Marcie, Florent. 2006. *Itchkeri Kenti. Les fils de Itchkeri*. Documentary, France, 145 min.
- Sauloy, Mylène. 2004. *Paroles des femmes*. Documentary, ARTE, France, 13 min.